

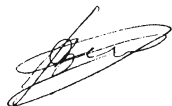
Виктория ВОЛЧЕНКО

БЕЗ ОХРАНЫ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • MMVI

Что за гёйт! - ни зверя и ни птицы,
ни кустов, ни, извиняюсь, зерна.
Но зато, зато - какие уши...
Ах, какие ноги! - без охран.

Виктория ВОЛЧЕНКО

БЕЗ ОХРАНЫ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • MMVI

В
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 5-89803-146-4

© В. Волченко, 2006

Под утро, перед боем, вдруг уснёшь.
Так хорошо, и ничего не надо:
ни страха, ни геройства, ни награды,
ни жизни — всё равно ты не умрёшь.
Ты будешь спать минут почти что пять,
ты будешь спать минут почти что — «Рота!
В ружье!» — и пробуждение, как рвота.
Ты видишь жизнь секунд почти что пять.
И странное созданье — б о г о м о л
тебя переползает осторожно.
Ты жив ещё, но это невозможно.
А б о г о м о л так медленно-тяжёл...
О, Господи! Я здесь всегда права.
И сердце в опустевшей гимнастике
пульсирует, как яблоко на терке —
и-раз, и-два...

Надеясь, что хотя бы одному
удастся избежать уничтоженья,
народ сокроет вековую тьму
от света и огня на поражение.
Язык народа слаб и не велик,
он явно не нуждается в пространстве:
дисфункциях, циррозе, вольтерьянстве...
Вольтер — мольтер, когда Аллах велик.
Обычаи наивны и просты.
И на похоронах навзрыд не плачут.
При свете дня своих от света спрячут
и возвратятся через блокпосты.
И ничего святого у зверей,
когда впотьмах, без мысли и без слова
они стоят у сорванных дверей
лишь час назад покинутого крова.

Сон. Есенин — молодой и поддатый.
Что повесили носы, недоумки?
Так сказал мне: «Дембеля виноваты,
и ни в чём не виноват Яков Блюмкин».
Яков Блюмкин не виновен ни грамма.
Только помню — тянут вверх, будто в гору.
Я ведь маме дал тайком телеграмму,
чтоб к военному пошла прокурору.
По темницам — было дело — зевали.
Никому Господь не вышел на помощь!
До утра меня деда убивали...
А фамилий не скажу — всех не вспомнишь.
Здесь не рай — полно вина, рыщут звери...
Мне о лучшем и мечтать было б глупо.
Ни хуя тебе я, Блюмкин, не верю.
На колени! Вишь ты, дышит в залупу.
Не виновен только тот, кто бескровен.
Все — по горло. Даже певчая пташка.
Теплокровен ты али хладнокровен,
все мы волки под Луной. Правда, Яшка?
Всё. Устал. Даю тебе три наколки:
пил в тот день я из серебряной рюмки.
От бутылки поищите осколки.
А в гробу лежу не я...

В Краснодаре — ужас, в Москве — бездомье,
на руках — ребёнок. Писец, короче.
А сама худа, как жердь, и бездонна,
и чего-то там всё под нос бормочешь.

Ну а что компьютер купить не можно —
ты сама себе здесь еси компьютер.
Щелкани умишком, да осторожно.
Перемкнёт — и вспыхнешь, софит-юпитер.

Свой ли дом, чужой — разгребай завалы
да лепи горбатого к белой стенке!
Напиши про то, как ты воевала.
Проверять не станут. Да хоть — у Стеньки!

И придёт письмо, а потом примчится
человек раскосый — однополчанин.
Скажет: «Как ты всё расписала чисто!
А княжну-то помнишь? Конец печален...

Много пил Степан — о народе думал,
да одна беда — торопился слишком».
Ну а ты, калмык, обо мне подумал?
Я ведь столько лет всё ждала письмишка.

И пойдёт меж нами вражда, стихая,
и наступит ночь на земле великой.
Со стихами, матушка! Со стихами.
Чечевицы съешь. Чечевицы с викой.

Надо признать, над собой хохоча,
то, что движение — полная лажа.
Даже не выдержав, выстояв даже,
ты всё равно вызываешь врача.

Знала душа — никуда не рвалась,
молча шагала, ползла и хрипела.
Дело живых — это мёртвое дело,
дочь коммуниста, кристальная мразь!

Руки опустишь и вбок полетишь,
птицей прогнёшься — очнёшься на дыбе.
Выпить захочешь — захватаны, в рыбе,
две сигареты. И ты не простишь

другу, что выпьет последний глоток,
а предложить — ничего не предложит.
Благодари за последний урок:
значит, твой друг здесь иначе не может.

Экое дело! За дверь и — пошла.
Топай, солдат, на больничную койку!
Даром тебе твоя жизнь не прошла,
всё повторяется трижды, поскольку

первый с вторым рассчитались почти.
Далее — намертво, набело то есть.
А черновик, если сможешь — прочти,
к третьей попытке ничуть не готовясь.

У людей — красивые одежды,
у людей — машины и валюта.
Что ж ты плачешь, бездарь и невежда?
Снова обернулся век твой лютый.

«Боди-арт — высокое искусство», —
так теперь толкуют фрекен-рашен.
Ты ведь можешь возразить по-русски,
только свято место у парашаи.

Гаснет жизнь во мраке и позоре.
В небе — толстозадые кометы.
Никогда я не был на Босфоре,
никогда не стану я поэтом.

А за то, что я пила, как лошадь,
и чужих мужей водила за кий —
подавай, Харон, свою калошу,
помаши с балкона вслед, Исакий.

Смерть не роскошь — средство. Отплываю
и на дне скрипучей этой лодки
целый век лежу и прозреваю:
перевозчик пьян, а путь — короткий.

Меламед слагал про воды Стикса...
Рановато ныть — с такой-то мордой!
Всё, Харон? Ну что ж, давай простимся.
Не пойму — глухой ты или гордый.

Ты назад хоть помнишь ли дорогу?
На хера тебе весло вручили...
Это вы, ребята? Слава Богу.
Вижу, телеграмму получили.

Что за чёрт! — ни зверя и ни птицы,
ни кустов, ни, извиняюсь, храма.
Но зато, зато — какие лица...
Ах, какие люди! — б е з охраны.

В Кабуле выпал первый снег —
сиди на «травке».
А я имела неуспех
в торговой лавке.

Но лавка, видишь ли, в Москве,
а Бог — в Кабуле.
Не оттого ли в голове
шальные рифмы?

«В Кабуле выпал первый снег».
Летели сводки:
«От холода страхуют всех
московской водкой».

Такой погибели имам
не знал ни разу.
А дети на руках у мам
голубоглазы.

Давно развеяло ребят
в тюльпанах чёрных.
А дети скачут и галдят —
чужие зёрна.

Ко мне неласков был расклад
гешефтов плоских.
Земля — не яблоневый сад,
а дом Облонских,

где всё смешалось... Но сие —
чужая строчка.
А что касаемо у.е. —
поставим точку.

Постскриптум. Вышел из пещер
тот самый Ладен.
И снег к нему был детски щедр.
И всё. И ладно.

Я с гениями водку не пила...

Ю. Мориц

Я водку с гением пила.
Я всю войну его ждала —
такая малость...
Сказал: живи! И я жила,
ни строчки на дух не брала
и не сломалась.

Вокруг свистели: импотент,
с алтайских гор интеллигент,
альфонс, мудило...
Но и в стервозный сей момент
храни меня, мой рудимент! —
я Вас любила.

Я защищалась как могла:
я вышла замуж, родила —
защита пешкой.
А что касаето ферзей —
я берегла своих друзей
в дворцовой спешке.

И вот бессмысленный итог...
Меня признал мой полубог:
я — гениальна.
И я бы душу отдала
за то, с чего я начала.
Но — нереально.

И вчерашнее солнце на чёрных носилках несут...

О. Э. Мандельштам

Бессонница, други. И это пройдёт.
Звонок не работает — самое время.
Стучи, грамотей, белозубое племя! —
на-род.

На чёрных носилках — раненье в живот.
Плывут комсомольцев вельможные рожи —
со-бесы и «мерсы» — знакомо до дрожи.
Прой-дёт.

Но рана смертельна. Что хочешь — вели!
В углу, за иконами — ведьмы и кошки.
А Ты, умирая, попросишь морошки.
О, сколько её в этой снежной пыли...

Пока за Тобою придёт вертолёт,
«земели» на корточках курят покуда —
и Пётр отречётся, и молвит Иуда:
«А дохтур — не врёт!»

НАЧАЛЬНИК

Он мне всё о детстве моём, о семерых козлятах,
ну а мне-то, уличной кошке — слово приятно любое.
Говорит с тобою душевно, глядит с любовью.
А друзей-то за что же? За что друзей — в изолятор?

Ты забыла, дура, в какой ты стране, откуда
и какие воды в ступе — болота гаже?
Не проси, не верь, не бойся — а всё туда же...
Только звать тебя станут теперь — Иуда.

Здесь — обрыв... и взовьёшься соколом шизым,
возопишь, взглаголешь, ударишь — гербом по венам.
Только ты напрасно харкаешь чёрной жижей,
хоть свинец изблюй — всё одно тебе не поверят.

Всё я вру. Он добра мне — и только — хочет.
Вот и в карцер чайку принёс и не смотрит зверем.
«Тяжело тебе, брат?» — «Тяжело, — отвечаю, — о т ч е.
Дух мой слаб — и прошу, и боюсь, и верю».

Верю, Отче. Изыди. Народ бывалый —
разберётся нелюдь потом, а пока — размажет.
Я чаёк твой сладкий, начальник, в гробу видала.
А себя-то саму и не чаю увидеть даже.

Одиноко. Мрак и холод собачий.
Видно, мне кранты. Как там в песне, мол, мчатся сани...
Береги себя, начальник. А передачу,
что отец принёс, преломи со своими псами.

А вчера приходил Цинцерович,
приносил подарки мне и сыну —
говорил мне: «Проклятая баба!
Никогда ты не будешь богатой,
не пророчица ты — скандалистка,
всё воюешь, всё копыя ломаешь
за какую-то, там, справедливость...»
(Вместо «там» было слово иное,
но какая разница, право.)
Я смиренно ему отвечала:
«Цинцерович, и ты не архангел.
Ты мой друг, ты богатый и добрый,
волочишься за каждую юбкой,
а жена твоя ходит в обносках,
ну а дети твои — хулиганы.
Разве я тебя этим укоряла?
Разве так заведено меж друзьями?
Забирай свои, на фиг, подарки
и оставь мою душу в покое...»
«Ну и ладно, — сказал Цинцерович. —
И уйду, ничего не оставлю.
Только ты, там-там-там, пожалеешь».
(«Там-там-там» прозвучало иначе,
но какая разница, право.)
Вот ушёл Цинцерович, и что же?
Предо мной — разбитое корыто.
А в пакете коньяк был, и кофе,
и, по-моему, детские джинсы.
А вообще Цинцерович хороший
и смешной, хоть немножечко нудный.
Просто надо мне с ним помириться.
Да и сын у меня — слава Богу...

За окном — Патриаршьи. От белого снега — темно.
Слишком гладок пейзаж, и с какой ни смотри высоты —
Питер Брейгель воскрес, но, похоже, ему всё равно.
«Детвора на коньках», — у окна улыбаешься ты.

Если я от зверей отличаюсь — лишь тем, что жива,
хоть защиты проси у великой актрисы Бриджит.
А закроешь глаза — на тебя наступают слова:
«Вот и крыса зажглась и по чёрному небу визжит».

Начинается ад. Он похож по картинкам на рай,
только странен порядок, как будто друг друга жуют
эти кадры — за — кадром, и думаешь: «Не умирай,
если ангелы крыльями души невинные бьют».

Мы ещё поглядим... я ещё и не то досмотрю.
Если я от зверей отличаюсь — за мною пришли.
Хорошо мне одной! — говорила вам и говорю.
И оставьте меня на краю этой мёрзлой земли.

Остаётся пейзаж, остаётся простое окно,
и простое решенье — взобраться на угол холста
и, зажмурив глаза, съехать вниз, где снимают кино
про Иисуса Христа.

Поэт отменный, друг проверенный,
благоволя ко мне без меры,
купил сундук вина портвейного
и взял с собою к Мессереру.

Нам дверь открыл хозяин собранный,
был удивлён, затем исправился —
коньяк достал, глядел по-доброму
и мне насмешливо представился.

Но дело в том, что Ахмадулина
была в отъезде — это главное.
Я совершила необдуманно
все действия противуправные.

Перечислять не стану — надо ли?
Чем неприглядней, тем банальнее.
Как ни крути, а мне без надобы
супруг поэта гениального.

Покуда я была в понятии —
закусывала помидорами,
сидела чинно под Распятием,
пила, не лезла с разговорами...

Под занавес плясала «яблочко»,
плюя на живопись станковую.
Прощанье вышло не безоблачным,
хозяин вел себя рискованно.

Была я юною и загнанной,
голодной и свято верила,
что существует некий заговор:
поэт поэту — друг проверенный.

Но с высоты своей станковости
и граммофонного величия
художник мог бы не без тонкости
упор не делать на приличия.

Я этот день люблю и праздную
за ту, кого люблю без меры.
Поэт в отъезде — безобразие.
Всё прочее — от Мессерера.

— Да, была. Земля. Инквизиция.
Но не только.
Голос был... подожди: зег-зи-цею.
Звали — Ольга.

Там ещё был храм, а опричь него —
запах серы.
Волки — серые, цвет — коричневый:
символ веры.
Почему? — Живут. И не страшно им —
все довольны.
Никогда о Земле не спрашивай!
Там осталась. Не знаю. Больно.

сожрет меня с руками быт поганый
вода кипит и булькает в кастрюле
бросаешь все что есть а если нету
на всякий случай будет кипяток
не гений я но стирка мне обрыдла
продвинут муж нашла презервативы
он по ночам как курва в интернете
ему уж лет под сраку и седая
забыла это слово борода
он явно хочет чтобы я страдала
а я ему меняй носки почаще
и ноги мой убожества кусок
а сын растет он тоненький и ясный
мы для него как два в одном флаконе
родители и все отец и мать
недавно он сказал мне мама-мама
ты самая красивая на свете
и что ж во мне красивого сыночек
спросила я грацьозно избочась
одежда чувство юмора и волос
.....
сыночек надо говорить не волос а волосы
а Волос это солнце
так древние славяне называли
звезду светило это так сказать

не жизни жаль нежизнижальнежизни

Милый дедушка! Забери меня отсюда.

А. П. Чехов

Дидусенко, забери меня отсюда —
ограничивают мне мою свободу.
Ни с друзьями выйти на природу,
ни нажраться, ни предаться блуду.

Мимо церкви — в киндера и в кухню.
Где уж тут — до точности речений!
Есть прописка, ноги не опухли.
Это — результат ограничений.

Это ж просто миф, а не супруга!
Весь расход — на чай и папиросы.
Всю одежду дарят мне матросы,
что живут у городского пруда.

Хороша стихия — флот бумажный,
без разрывов, так сказать, аорты.
Эскулап кругом пошёл продажный,
мне матросы делают аборты.

(Занесло. Я мало изменилась.
Не расту — макроцефал и карла.
Ха, старик! А рифма «не украла» —
не моя-с. Проехали. Приснилось.)

В общем, как всегда, без тех и этих,
это я к тому — бывало хуже.
Рыбку есть на том и этом свете
мы не станем, коль не сели в лужу.

Перебьемся — греками без бабы.
А коза — она какого рода?
Ухожу. Уходишь. На свободу —
с чистой? — С чистой. — Да и то, хотя бы.

Посидеть, посмотреть —
поседел, постарел.
Что же — воду не пить,
не утоп, не сгорел.
Значит, жив. Хорошо.
Что ж, пора уезжать.
И не надо, дружок,
выходить-проводить.
Не по сану — ловить
на дороге такси.
Остается — любить.
И за это — мерси.

В сорок лет начинать жить
не с нуля — с сорока нулей.
С поликлиники — стыд, жуть.
Все мосты сожжены — с кораблей,

с перепева чужих строк,
с пересмотра своих тем.
А в углу твоём — су-рок,
старый-старый, седой тень.

Как же было с тобой светло
под таким проливным дождем!
Хорошо тебе, те-пло?
Отогреемся да пойдем.

Когда бы ты видел меня, как рыдаю —
больная, уставшая, немолодая —
глазам не поверил... И я, сквозь рыдания,
уже сочиняю себе оправданье.

Что это чужая душа прилетела —
на несколько миггов ей надобно тело,
как Мише-бомжу —
погостить у коллеги:

«Ещё — посижу?»

И — ни-ни! — о ночлеге.

Нерон — мерзавец. Это всем известно.
И смерть свою не смог достойно встретить —
рыдал, как баба. Курица, слизняк.
«Какой актер, — вопил он, — погибает».
Да что о нём мне думать? Он нужды
не знал. Не знал ни в чем отказа.
Жрал, пил и спал, и млел при виде крови,
естественно — чужой. О, погань, погань...
Когда бы он пятнадцать лет подряд
прожил в Москве без денег и прописки,
когда б его имели за ночлег,
за крышу, рюмку чая и похлебку,
а после говорили: «Мы — друзья.
Как смеешь ты не радоваться встречам?»
Когда б он задыхался от болезней,
а врач — проныра, бездарь, карлик-нос —
читал свои говенные творенья
(уж лучше бы он тайны разглашал
врачебные — звучало бы достойней).
И так — всегда, во всем: стихи, стихи...
А сами — шасть в свои дома, как крысы,
жрать, пить и спать, и млеть при виде крови,
естественно — чужой, по НТВ.

Вот тогда б Нерон
и смерть свою приветствовал, как воин,
и, уходя, ни слова не сказал...

За фамильною дачей следят наркоманы,
я ночами читаю крутые романы.

Спит мой сын, пахнет яблоком он и кефиром,
я журналы листаю вприглядку с чифиром.

За окошком предательски хрустнула ветка.
У меня под рукою — одна табуретка.

Да гори оно всё! — наркоманы и маки...
Не до драки мне нынче, совсем не до драки.

Пахнет сын мой во сне так беспомощно-терпко!
Знает — мать за него всё проглотит и стерпит.

Пожалей домочадцев за долготерпенье:
ты чужда, как скала, ты не варишь варенья,

мужа любишь едва и не терпишь свекрови...
Мать и сын — чёрт един. Это правило крови.

Позабыв про обиды, варенье и дачу,
над советским романом ночами я плачу.

1996

НОЧЬЮ НА БАЛКОНЕ

— Квартира — моя, машина и сын.
Ты — бомж, никто. Поэт, блядь?
Иними с верёвки свои трусы,
не хуй народ пугать.

— Послушай, Надь, на дворе — темно,
народ наш — не запугать.
И вообще — ты с утра говоришь одно,
а сейчас нажралась опять.

— Да я тебя вышвырну, как щенка,
завтра же, поэт, за дверь.
Потому как нашла себе мужика,
он богат и ебёт как зверь.

— Ты, Надь, того — иль совсем допилась,
иль нет у тебя души...
Плевать мне, с кем ты и как велась,
а ты меня — пропиши.

И буду тебе я животный муж,
ребёнку — святой отец.
В квартире налажу и свет, и душ,
и ты вздохнёшь наконец.

Я буду тебя на руках носить,
кровинка моя, жена...
А свет мы будем с тобой гасить,
на случай — когда война.

1997

Как в роддоме, детдоме, дурдоме,
на войне...

Ничего ты не понял здесь, кроме:
«им — не мне».

Это так. Перед смертью лукавить
ни к чему.

Я не знаю, что можно исправить.

И — кому?

Помнишь, ты рисовал водолазов, —
быть хотел.

Мол, у чудищ глубинных есть разум —
всех-то дел...

Если выйти из ямы прикажут —
попроси закурить
напоследок. Кто знает? Откажут —
так и быть.

Дальше — сам. Ну а то, что ты плачешь
и дрожишь...

Только в книжках бывает иначе.

Это — жизнь.

БЕЛЫЙ ШУМ

Как музыка шумит у Бога в среднем ухе —
не Моцарт, так другой, не в силах с толку сбить,
я знаю только то, что нынче ты не в духе.
И значит, этот мир я не могу любить.
Любить — жалеть — понять — прощать. С меня — довольно,
когда клочок земли уходит из-под ног.
В столичном граде сем все чувства подневольны.
А для меня любовь — по-зор, а не острог.
В столичном граде сем за место на помойке
— о, резали и жгли — бессребреник и жлоб —
чужой похлебки вкус и вкус хозяйской койки,
и право на жильё — контрольный выстрел в лоб.
Я не сошла с ума. Но радоваться поздно:
сие примета есть отсутствия ума.
«Пишите о войне». И всё это — серьезно.
Плюю себе вослед, когда иду сама
указанной тропой. Моей войне — лет двадцать.
Я до сих пор ношу в крови аминазин.
Ни вытравить, ни смыть. И — некуда деваться:
читатель рифмы ждет. Дождался? — сульфазин.
В Цирцеиных садах за хлад больничной койки
— о, мучили и жгли — когда б меня — одну!
Из тела моего уходят землеройки.
Мне сделали укол — и я иду ко дну.
Такие же, как я, без права на защиту,
наевшись до ушей Цирцеиных плодов,
лежат в грязи. Они — не знают, что убиты.
Они еще твердят: «Стреляйте. Я готов».
С поправкою на пол, а стало быть, характер,
«Готова!» — врач сказал. И взгляд его — в глаза.
Я вижу этот взгляд в бомонде и в теракте.
У них — одни глаза. Мне нечего сказать.
Слабее всех живых, живее всех убитых,
я не люблю тебя. Но ты — моя судьба.
Ты — выжить, я — любить. Ну вот, теперь мы квиты.
Легко мне быть цепой позорного столба!

Легко претерпевать плевки, удары в спину,
предательство друзей, улыбчивость зевак.
Но только не слова, когда — наполовину,
когда в ответ на в с ё — скупающий зевок.
Я вижу только тлен за речью человечесьей,
ловушки пирамид и дверок потайных.
Зачем, скажи, идут и зажигают свечи,
и молятся в бреду, когда у Врат иных
давно стоит толпа без слова и упрека,
и дети — на руках, убитые в висок.
Не надобно в ч у ж о м Отечестве пророка.
Не — выжить, а — любить, когда горит Восток.
Стареть, сходить с ума. На каждом перекрестке
заезженных дорог — слыть притчею для всех.
А впрочем, искушать фашистов и подростков
бродяжкою слепой и слабой — смертный грех.
В столичном граде сем, в тревогах презентаций
потеют и едят, когда полно икры,
и надобно успеть не быть, а по-казаться.
А впрочем, это есть условие игры.
Придумана игра — спросите у Платона.
Потеют и едят. Столы — наискосок.
У Врат иных — толпа без слова и без стона.
И дети на руках, убитые в висок.
Мне с места не сойти: они-то в чем повинны?
Не ими сплетена чудовищная ложь.
Всё можно претерпеть — плевки, удары в спину,
но только не икру на мордах у вельмож.
Да кто здесь господа? Вы в зеркало глядели?
Холуй на холуе, лакейский шепоток.
А те, кто от сохи — и рядом не сидели.
Крестьяне — от Христа. Когда горит Восток.
Любовь моя — мой крест. Имея дело с глиной,
давно умею снести небрежность и зевок.
В Цирцеинных садах судьба — наполовину.
Когда в ответ на жизнь — чуть видимый кивок.
Мышиная возня, бомонды-пиететы.
Как серый цвет затмил кровавую зарю!
Фашизм — король мышей — подкрался незаметно.

Потеют и едят. Про то и говорю.
Всегда в чужом краю, имея дело с глиной,
привыкнув ко всему, скажи, куда япру?
В Цирцеиных садах всегда стреляют в спину.
Опять горит Восток. И я опять умру.
И я опять очнусь птенцом гнезда кукушки —
с бессмысленным лицом, дерьма сплошной кусок.
Условия игры? — поберегите ушки.
Отечество мое! Матрасы и песок...
Бесценный дар любви в садах не зарывая,
срывая все ходы египетских гробниц,
не — выжить, а — любить (не вывезет — кривая!)
за право говорить, не простираясь ниц.
За право быть собой, когда мой час настанет.
О н и молчат — о, смерть на медленном огне!
За право умирать людьми, а не скотами —
спят дети на руках, уснувшие во сне.

СОДЕРЖАНИЕ

«Под утро, перед боем, вдруг уснёшь...»	5
«Надеясь, что хотя бы одному...»	6
«Сон. Есенин — молодой и поддатый...»	7
«В Краснодаре — ужас, в Москве — бездомье...»	8
«Надо признать, над собой хохоча...»	9
«У людей — красивые одежды...»	10
«В Кабуле выпал первый снег...»	12
«Я водку с гением пила...»	14
«Бессонница, други. И это пройдёт...»	15
Начальник	16
«А вчера приходил Цинцерович...»	17
«За окном — Патриаршьи. От белого снега — темно...»	18
«Поэт отменный, друг проверенный...»	19
«— Да, была. Земля. Инквизиция...»	21
«сожрет меня с руками быт поганый...»	22
«Дидусенко, забери меня отсюда...»	23
«Посидеть, посмотреть...»	25
«В сорок лет начинать жить...»	26
«Когда бы ты видел меня, как рыдаю...»	27
«Нерон — мерзавец. Это всем известно...»	28
«За фамильною дачей следят наркоманы...»	29
Ночью на балконе	30
«Как в роддоме, детдоме, дурдоме...»	31
Белый шум	32

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- С. Кекова.** Короткие письма
- В. Салимон.** Невеселое солнце
- И. Лиснянская.** После всего
- Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов.** Лепет
- А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский.** Праздник
- В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- В. Дроздов.** Стихотворения
- Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков.** Стихотворения
- Д. Новиков.** Караоке
- И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров.** Парафразис
- Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон.** Красная Москва
- В. Зельченко.** Войско
- Б. Кенжеев.** Сочинитель звезд
- А. Битов.** В четверг после дождя
- Л. Лосев.** Послесловие
- И. Лиснянская.** Ветер покоя
- В. Гандельсман.** Долгота дня
- Е. Шварц.** Соло на раскаленной трубе
- Т. Кибиров.** Интимная лирика
- В. Павлова.** Второй язык
- В. Кривулин.** Купание в иордани
- М. Ерёмин.** Стихотворения
- Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- Д. Новиков.** Самопал
- Т. Кибиров.** Нотации
- В. Соснора.** Куда пошел? И где окно?

С. Гандлевский. Конспект
Б. Рыжий. И всё такое...
П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кибиров. Amour, exil...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего времени
Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова. Арии
М. Степанова. Тут — свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн.2
С. Стратановский. Рядом с Чечней
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кибиров. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал
Е. Шварц. Трость скорописца
Д. Шереметьев. Улика
В. Гандельсман. Школьный вальс
С. Стратановский. На реке непрозрачной
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн.3
А. Цветков. Шекспир отдыхает
В. Волченко. Без охраны

В серии книг «Зеркало» вышли следующие тома:

- В. Яновский.** Поля Елисейские
- Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- В. Соснора.** Дом дней
- Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- А. Битов.** Дерево
- С. Гандлевский.** Поэтическая кухня
- В. Соснора.** Книга пустот
- В. Соснора.** Камни NEGEREP
- И. Бродский.** Горбунов и Горчаков
- Л. Петрушевская.** Карамзин деревенский дневник

В серии «Имя собственное» выпущены книги:

- К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- А. Генис.** Темнота и тишина
- О. Шамборант.** Признаки жизни
- А. Генис.** Пейзажи
- С. Лурье.** Успехи ясновидения
- О. Шамборант.** Срок годности
- О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- В. Соснора.** 15
- С. Гандлевский.** Странные сближения
- С. Лурье.** Нечто и взгляд

Предлагаем читателям также следующие книги:

- В. Кальпиди.** Ресницы
- Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- А. Ерёмченко.** Горизонтальная страна
- Гильгамеш.** *Аккадское сказание*
- А. Цветков.** Дивно молвить
- Е. Шварц.** Сочинения в 2 томах
- С. Гандлевский.** Найти охотника
- Б. Рыжий.** Стихи
- В. Соснора.** Всадники
- В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- М. Дидусенко.** Полоса отчуждения
- Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида

Все книги серий тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных книг обращайтесь в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».
Информация по телефону: (812) 273-37-24 факс: (812) 273-52-56

В ??

Волченко В.

Без охраны (Стихотворения)

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2006. — 40 с.

ISBN 5-89803-146-4

ББК 84. Р7

Волченко Виктория Юрьевна

Без охраны

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2006

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД